

Телохранитель
Евгения Охотникова

МАРИНА СЕРОВА

Посланница
небес

Марина Сергеевна Серова
Посланица небес
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166897
Посланица небес: Эксмо; М.: 2007
ISBN 978-5-699-24802-5

Аннотация

Странные пошли времена. Профессиональные охранники оберегают жизнь служителей церкви. Да-да! Знаменитая Евгения Охотникова нанялась в секьюрити к батюшке. Правда, и батюшка попался довольно необычный. Отец Василий – бывший спецназовец, но постоять за себя не может. Он, видите ли, с некоторых пор избрал позицию непротивления злу насилием. А на самого, между прочим, было совершено уже три покушения! Охотникова решила разобраться с врагами священника, только она и не предполагала, что в стенах храма ее поджидает гораздо больше опасностей, чем за его пределами...

Содержание

1	4
2	32
3	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Марина Серова

Посланница небес

1

На привокзальной площади Карасева с каждой минутой становилось все меньше и меньше народу. Солнце скрылось за горизонтом, и на небо медленно восходила ночь, подавляя сопротивление остатков света, приглушая дневные звуки. Рейсовые автобусы из Тарасова стояли полупустыми. Старые желтые монстры с облупившейся краской, которые народ окрестил погремушками, они помнили еще эпоху расцвета коммунизма и тосковали по прежним временам, угрюмо взирая на мир через мутные стекла. Места пассажиров на дерматиновых сиденьях мрачных автобусов вместо живых людей занимали черные тени. Водители курили на улице под деревьями. Листву шевелил легкий теплый ветер, однако было не душно, все-таки конец августа. К ночи теперь холодало.

Моя машина стояла за одним из автобусов у высокого бордюра, окна открыты. С сигаретой в зубах я откинулась на водительском сиденье. Пальцы со скоростью счетчика банкнот листали стопку стодолларовых купюр, полученных за дело, оконченное несколько часов назад. Не то чтобы я не верила

клиенту, просто процесс подсчета заработанных дензнаков сам по себе был чрезвычайно увлекателен. Считая, я замечталась.

Сумма – приличная, и если добавить мои прошлые накопления, то можно внести почти половину стоимости квартиры, на остальную часть оформить кредит. Не хотелось злоупотреблять гостеприимством тети. Она, конечно, замечательная, во мне души не чает. Приняла, как родную дочь, после того как я переехала в Тарасов, сбежав от отца и его новой жены, ненавидевшей меня всеми фибрами души. Каждый раз тетя Мила убеждает, что я могу жить у нее сколько угодно, забывая об одном обстоятельстве – я взрослая двадцатисемилетняя женщина и должна строить собственную жизнь. Да и моя профессия телохранителя такова, что лучше быть от тети подальше, дабы не навлечь на нее месть разных отморожков, планы которых я сорвала.

Меры предосторожности не могут на сто процентов гарантировать безопасность единственного близкого человека, оставшегося у меня на этой планете после смерти матери. Отца я исключила из списка близких людей из-за его предательства, ведь он женился на своей стерве чуть ли не сразу после похорон мамы. Он будто только и ждал ее смерти.

Задумавшись о своей теперешней жизни, я решила, что она слишком нестабильна, чтобы брать кредит. Сегодня у меня есть клиенты, а завтра их может не быть. Помнился период, когда я больше месяца сидела без работы. Если такое

повторится, что я буду делать, имея на шее долговое бремя? Впрочем, я могла бы работать переводчиком или преподавателем иностранных языков; но я не могу без экстрима, и потом, в провинции этим на жизнь не заработаешь.

Порою меня брала злость, что в «Ворошиловке» в диплом не могли написать специальность поприличнее. Понятно – они делали это для прикрытия внедренных в посольства разведчиков и не принимали в расчет, как студентки будут жить, оказавшись вдруг на гражданке, так как редко кто из девушек вырывался из шпионской паутины. Из специального разведывательно-диверсионного подразделения КГБ «Сигма», куда я попала после стажировки в силовых ведомствах, вообще отправлялись лишь на небеса и редко кто доживал до пенсионного возраста.

Миссии у отряда были исключительно невыполнимые. В случае провала – жестокие пытки и мучительная смерть. Нестабильность политической ситуации в стране в те времена приводила к тому, что агентов сдавали свои же, принося в жертву резко меняющейся конъюнктуре в отношениях со странами противника. Сегодня враг, а завтра по телевизору показывают обнимающихся руководителей, и что делать, если в этот момент операция уже идет полным ходом и переиграть почти невозможно.

Мне чудом посчастливилось ускользнуть оттуда. Помогли и связи отца-генерала, и мои собственные способности. Те времена были самыми темными в моей жизни. Их хоте-

лось быстрее забыть и не вспоминать, но такое не забывается. Очутившись в Тарасове, я словно заново родилась. Помогла тетя и то, что я нашла себе применение в обычной жизни.

Мои мысли прервало неожиданное появление перед капотом бритоголового парня. Вопя дурным голосом, он выскочил из здания вокзала и метнул пустую бутылку из-под пива куда-то в сторону. Послышался звон разбитого стекла. Я дернулась за револьвером, но остановилась. Парень просто перебрал или обкололся и не понимал, что творит. За ним из дверей вокзала высыпала целая толпа – человек семь, и все как один лысые, в темной одежде и высоких шнурованных ботинках. Их главарь отличался от остальных наличием тюремных наколок и белыми шнурками в ботинках. Куражась, толпа проследовала мимо моего «Фольксвагена» и скрылась за автобусами. Я расслабилась, закурила сигарету и сунула окурочку в пепельницу. Затем достала портсигар и, открыв его, сделала неприятное открытие – сигареты кончились. Несмертельно. Я взглянула через лобовое стекло на улицу. Здесь где-то, конечно, должен быть какой-нибудь магазин, где можно купить сигареты.

Выбравшись из машины, я подошла к водителям междугородных автобусов и спросила о магазине. Ответили они раз с четвертого, тщетно набиваясь мне в провожатые. Аргументы приводились самые банальные: такой красивой девушке опасно ходить по вечерам одной; и я могу заблудиться

в незнакомом месте.

Отделавшись от водителей, я пошла в указанном направлении. До магазина на самом деле было рукой подать. В связи с переустройством привокзальной площади его просто перенесли за здание вокзала. Шагая, я подумала, что по приезде домой надо внести изменения в цифровую карту Карасева, содержащуюся в моем компьютере, также неплохо бы проверить карту Тарасова, иначе как-нибудь, уходя от погони или преследуя кого, можно нарваться на неприятный сюрприз, в виде проезда, превратившегося в тупик. Для моей профессии знание местности, где приходилось работать, имело одно из первостепенных значений. От этого зависела жизнь и клиента, и моя собственная.

Магазин представлял собой вагончик, обшитый белым пластиком, с синим козырьком. На козырьке почти анекдотичное название «Мини-супермаркет „Меркурий“». Несмотря на приставку «мини», нужные мне сигареты я все же нашла. Выйдя из вагончика, я тут же закурила. Трещали цикады в буйно разросшейся на газоне траве, дул легкий ветерок. Да, лето заканчивалось... Пролетело так стремительно, что я и не заметила. А большинство из моих планов на отдых так и остались невыполненными.

– На следующий год наверстаю, – бодро пообещала я себе и услышала неподалеку радостно-возбужденные голоса бритоголовых, что проходили мимо моей машины пару минут назад. По разговору я поняла, что они пристали к какому-то

прохожему. Их пьяный, идиотский гогот вперемишку с матом резал слух.

– Посмотри на его морду, ха-ха-ха, видно, что педик! – хрипло басил кто-то из отморозков. – Что ты не молишься, молись, самое время. Знаешь, что мы делаем с такими, как ты?

Тот, на кого они наезжали, ответил абсолютно спокойно звучным, сильным голосом:

– Опомнись, сын мой, пока не слишком поздно. Зло, сделанное тобой, в конце концов вернется к тебе же в десятикратном размере, а душа погибнет в адском пламени.

– Я тебе не сын, козлина! Ты че вздумал меня пугать своими поповскими рассказами? – заливисто раздалось в ответ.

Ноги сами понесли меня к месту разборки. По голосам парней я понимала, что с минуты на минуту может произойти серьезная потасовка. Мужчина, видимо, думал, что этих парней достаточно пожурить и они, попросив прощения, пойдут по своим делам.

Я свернула в переулочек и увидела толпу, прижавшую к дощатому забору православного священника в черной рясе с массивным серебряным крестом на груди. По сравнению с двухметровым священником восемнадцатилетние парни выглядели мелюзгой, как стая волков против медведя. Однако бородатый мужчина в рясе не предпринимал никаких попыток воздействовать на нападавших силой, которая, если судить по могучему телосложению, у него имелась в избытке.

Священника задирали, пихали, дергали за рясу, а он только призывал опомниться. На мое приближение никто не обратил внимания.

– Снимай цацку, бородатый, – заорал предводитель ватаги, хватая священника за крест, – у нас бабки кончились, а твоего креста как раз хватит на пару пузырей.

– Нет, – спокойно ответил священник и накрыл узкую ладонь парня своею могучей лапищей.

Лицо предводителя пошло красными пятнами. Он выхватил из кармана финку и приставил к горлу священника:

– Ты че, не понял, в натуре! Я тебя щас попишу, паскуда!

– Убив меня, ты погубишь и себя, и своих друзей, – произнес священник так, словно был уверен в своей неуязвимости. – Вас арестуют и посадят, но это ничто по сравнению с тем, как вы оскверните грехом свои души. Я говорю вам – отвратитесь от зла, еще есть шанс. Дьявол затуманил вам разум.

– Ты, debil, сейчас сдохнешь, и бог тебе не поможет. Жалеешь теперь, что с нами связался? – рот предводителя бритоголовых растянулся в хищном оскале. В эту минуту парень выглядел как натуральный посланец ада. Небольшая круглая голова на длинной тощей шее, маленькие, прищуренные, бегающие глазки, уши, плотно прижатые к черепу, крошечный искривленный нос – все в нем вызывало отвращение.

Я приблизилась к парню как раз в тот момент, когда он размахнулся, чтобы полоснуть священника ножом по лицу,

и перехватила его запястье. Вывернув из руки парня нож, я врезала отморожку сзади по шее и вырубил его. Затем, крутнувшись, ударом ноги свалила двоих его товарищей, вскочила, саданула третьего под дых, четвертого схватила за горло и провела удушающий прием, одновременно вырубив пятого ударом пятки в челюсть.

Лишь после этого сильно поредевшие противники поняли, что на них напали. На лицах парней отразилось недоумение, даже испуг. Они не поверили в то, что увидели своими глазами. Их пыл несколько поутих. Осмотревшись, я повернулась к священнику. Тот стоял и со скорбью в глазах смотрел на меня.

– Дочь моя, в тебе слишком много агрессии, – прозвучал его спокойный голос. – Насилие порождает насилие. Они же, в сущности, дети, заблудшие в жизни. Разум их затуманен, в сердце нет Бога. Они нуждаются в помощи и наставлении.

– Я их и наставила немного. Попыталась объяснить, как ужасно бывает насилие, – пояснила я с иронией, – можно, если хотите, связать их, и, когда они придут в себя, вы им проповеди читаете. Вдруг и правда поможет.

– Путь к Богу личный выбор каждого, и принуждать никого нельзя, – наставительно произнес священник, улыбнувшись уголками губ, – так как сам Господь вручил право выбора сынам и дочерям. В этом есть Божий промысел. Человек сам по собственной воле должен отвратиться от зла, а остальные лишь могут помочь советом, показать на соб-

ственном примере.

– Точно. Все верно, но давайте лучше уйдем отсюда. Мне не хотелось бы снова прибегать к насилию, – попросила я и добавила: – Я бы могла вас подвезти, если не возражаете.

Священник согласился, и мы быстро пошли по улице. Украдкой я изучала взглядом священника. Своим видом он напоминал мне древнерусского богатыря. Одухотворенное лицо, черная с проседью борода, густые брови. Возраст от сорока до пятидесяти, точнее я определить не могла.

– Отец Василий, – представился священник, ожидая того же самого от меня.

У меня на такие случаи было заготовлено с десятков имен и биографий, но в этот раз врать не хотелось. Какая опасность может исходить от священника православной церкви? Подумав, я сказала правду:

– Евгения Максимовна Охотникова, телохранитель.

– Так драться вы научились явно не на курсах телохранителей. – Священник бросил на меня пронизательный, изучающий взгляд: – Я сам бывший спецназовец и знаю, о чем говорю.

От удивления я даже открыла рот. И как только я сразу не догадалась?! Выправка, движения священника – все выдавало в нем опытного бойца.

– То есть, отец Василий, вы сами могли уложить их одной левой, но стояли и спокойно ждали, когда тот не совсем нормальный парнишка перережет вам горло? – спросила я

удивленно.

– Я решил вручить свою жизнь в руки Господа, – пояснил священник. – Все свершается лишь по Его воле. И то, что произошло минуту назад, – живое доказательство этому. Сами небеса прислали вас на помощь мне в трудный момент.

– Ох и повезло же вам, что у меня кончились сигареты, – покачала я головой. – Если бы я не пошла их купить, вы бы сейчас уже предстали перед творцом.

– Везение выдумали люди. Ничто на свете не происходит случайно, – заметил отец Василий. – Кроме того, я бы все равно не позволил совершить ему грех. Я до последнего момента надеялся утихомирить их убеждением. Если б не получилось – тогда бы отнял нож и выкинул бы его через забор. Бить мальчишек очень не хотелось по той простой причине, что я мог бы кого-нибудь случайно покалечить. Ведь их, неразумных, просто науськали на меня люди, которые попирают церковь и Бога.

– Мне все понятно как день, – буркнула я, выключая в машине сигнализацию и открывая дверцу. – Садитесь, отвезу вас домой.

Священник еле втиснулся в салон «Фольксвагена». Я завела двигатель и, вырулив со стоянки, направила машину в сторону золотых куполов церкви Преображения, что виднелись над крышами домов частного сектора. По рассказу священника, он жил там же, при храме.

– Почему вы думаете, что на вас этих парней кто-то на-

уuskал? – спросила я из профессионального интереса.

– Потому, что я, оказавшись в Карасеве, веду непримиримую борьбу со злом и многим это не нравится, – ответил отец Василий грустным голосом. – Не знаю, успею ли я окончить дела, которые начал, сопротивление зла слишком велико, однако я не отступлюсь, сколько бы на меня ни нападали.

– А на вас не в первый раз нападают? – спросила я.

– За неделю третье покушение, – пояснил священник. – Поздно вечером возвращался домой, и на улице на меня напал какой-то сумасшедший, хотел зарезать. Я отразил удар машинально. Едва не сломал нападавшему руку. Слава Богу, тот вскочил и убежал, но буквально через два дня меня чуть не сбила машина. Шофер специально ехал на меня, заскочил прямо на тротуар, задел забор, на который я запрыгнул, и если бы не моя реакция и умения, полученные на войне, то мы бы сейчас с вами, Евгения, не разговаривали.

– Это уже серьезно, – заметила я и поинтересовалась: – Отец Василий, а вы в милицию заявляли?

– Да, но там сослались на случайности, – вздохнул священник. – Шофер, дескать, не справился с управлением, наскочил, испугался и побыстрее уехал, чтоб не нарываться на скандал. Однако я точно знаю, что это не случайности. Мужчина, что напал на меня, до этого целый день следил за мной издали. Я его заметил, но не придал большого значения.

– Отец Василий, если милиция не может вас защитить, то почему бы вам не нанять телохранителя? – осторожно поин-

тересовалась я.

Священник от души рассмеялся:

– Как вы, Евгения, до такого додумались? Представляю глаза настоятеля отца Афанасия, когда я ему доложу, что нанял телохранителя. В голове не укладывается.

– Не пойму, что тут такого? – пожала я плечами. – Вот у папы целая куча телохранителей, хоть он и католик, ну и что?

– Нет, я не могу на это пойти, – покачал головой отец Василий.

– Например, я не только охраняю клиента, но и веду расследование, – поспешно сказала я. – Разве вы не хотите, чтоб я узнала, кто на вас покушался? У меня есть возможности, средства, связи и достаточно большой опыт, чтоб сделать это. Установление истины – разве грех? Я могу вычислить этих людей и передать в руки милиции, чтобы их изолировали от общества.

– Тюрьма их не исправит, – задумчиво возразил отец Василий.

– Тюрьма нет, но при таких учреждениях везде служат священники, и они помогут им прийти к богу, если у них возникнет желание, – убежденно сказала я.

– В ваших словах есть доля истины, – согласился священник. – Эти юнцы не ведают, что творят, и принесут окружающим много зла, если их не остановить. Вы их найдете, а я призову к покаянию, и если это не поможет, то придется

действительно их изолировать. Только вы не должны никого убивать. Ничто не оправдывает убийства человека.

– Именно так я и собиралась действовать, – с готовностью кивнула я. – Меня вообще можно назвать пацифисткой. Я из КГБ ушла, так как не желала участвовать в убийствах.

– Видите, а вы говорите случайность! – воодушевляясь, воскликнул отец Василий. – Мне нужна была помощь, и Бог послал вас. Вместе мы сможем сдвинуть дело с мертвой точки. У меня мечта – создать центр реабилитации для бывших осужденных и бомжей, чтобы они могли адаптироваться к нормальной жизни. При посильном вспоможении отца настоятеля я работаю над этим, но путь тернист, много противников, людей непонимающих, и еще эти нападения... Они выбили меня из колеи. Если меня убьют, то кто продолжит мое дело?

– Конечно же, – воскликнула я, – у нас все получится. Я помогу вам разобраться с организаторами покушений, а вы продолжите со своим центром реабилитации.

– Да благословит вас Господь, Евгения, за ваше доброе сердце, – с жаром произнес отец Василий и перекрестился.

Мы как раз подъехали к массивным деревянным воротам старинного белокаменного храма. Я затормозила и, заглушив двигатель, произнесла будничным тоном:

– Раз вы согласны, тогда обсудим условия контракта. За свою работу я беру две тысячи в сутки.

– О, Евгения, извините, я посчитал, что вы предлагаете

мне безвозмездную помощь, – погрустнел священник. – Таких денег мне нипочем не найти.

Мне, глядя на него, стало как-то неловко, будто я вымогательница какая. Непохоже было, что отец Василий лукавит. Ряса на нем была самая простая. Крест хоть и серебряный, но, видать, очень старый и достался ему, вероятно, от кого-то из прежних священников. Из украшений только советские часы «Луч» с кожаным потертым ремешком.

К лицу жаркой волною прилила кровь.

– Отец Василий, поймите, все, чем я пользуюсь при защите клиента, стоит денег, и немалых, тот же бензин для машины, за день столько, бывает, наездишь. – Я говорила, а он лишь молча смотрел на меня печальными глазами, кивая. – Подслушка от тысячи до нескольких десятков тысяч, – продолжала я и, не выдержав его взгляда, попросила: – Не смотрите на меня так. Я просто физически не могу позволить работать бесплатно. Я с голода умру.

– Знаете, как сказано в Библии по этому поводу? – медленно произнес отец Василий. – Это Иисус Христос сказал: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создателя мира, ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и напоили; был странником, и вы приняли Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих, то сделали Мне». Иными словами, находясь среди людей, Евгения, которым вы протянули руку помощи, вы

не умрете с голоду, и каждый нормальный человек окажет вам помощь, если вы в ней будете нуждаться. Жажда помогать ближнему заложена Богом в каждом, так как это одно из проявлений любви. В настоящее время многие просто подавляют в себе это под гнетом общества, где проявление добродетелей считается слабостью. Но если человека подтолкнуть...

– Все, я согласна, – прервала я его. – Вы выиграли. Я помогу вам, однако без денег это будет намного труднее и опаснее.

– Я не играл с вами, Евгения, – спокойно возразил отец Василий. – А согласились вы потому, что в душе очень хороший человек и интуитивно чувствуете, где правда, а где ложь. Вы же не прошли мимо, когда увидели, что на меня напали. Могли ведь просто вызвать по телефону милицию и идти дальше. Вместо этого вы рисковали жизнью ради совершенно незнакомого человека.

– Милиция бы не успела, – ответила я, насупившись. – Да и не так уж я и жизнью-то рисковала.

– Не умаляйте своих заслуг, – покачал головой отец Василий. – Ложная скромность тоже порок.

– Вот такая я порочная, и подумайте, стоит ли со мной связываться, – пробормотала я, понимая, что крупно влипла. Никогда, даже в страшном сне, я не думала, что стану работать за бесплатно.

– Кстати, о пороках. Евгения Максимовна, когда была ва-

ша последняя евхаристия? – спросил отец Василий неожиданно.

– Как вы сказали, евхаристия? – переспросила я, не решаясь соврать. – Дайте-ка подумать. Евхаристия, евхаристия... Понимаете, я так много работаю и не могу делать это так часто, как хотелось бы. Было бы время, я бы каждый день...

– Евхаристия – это таинство причастия, – пояснил отец Василий на всякий случай. – Когда вы это делали в последний раз, месяц назад, год назад или два года?

– Да никогда, – со стыдом призналась я.

– Вы что, некрещеная? – воскликнул отец Василий.

– Нет, меня мама окрестила в детстве, – ответила я.

Отец Василий воздел глаза к небу и перекрестился, потом произнес:

– Значит, в детстве один раз было. Советую прийти в храм завтра на литургию исповедоваться и причаститься, а затем я вас благословлю на выполнение миссии. Каждое дело следует начинать с благословения. И на будущее знайте, причащаться надо как можно чаще, на каждый пост, а если возникают препятствия этому, то хотя бы не реже одного раза в год.

– Хорошо, ясно, – кивнула я, ничего не обещая. – Меня вот несколько беспокоит исповедь. Я служила в разведывательно-диверсионном подразделении КГБ и давала кучу подписок о неразглашении. Сейчас своим клиентам я тоже обещала сохранять обстоятельства дел в тайне и не нарушу

своего обещания. Так о чем мне тогда рассказывать на исповеди?

– О чем и я рассказывал в свое время, приехав из Чечни, – ответил отец Василий. – Главное, признать свои грехи, осознать свою виновность перед Господом. И пообещать, что, исправив свою жизнь и примирившись с людьми, вы будете надеяться на милосердие Божие. Вы, Евгения, ведь покинули свое подразделение и стали, по сути говоря, помогать людям. Пусть пока методы ваши не совсем богоугодные, но вы же стараетесь не причинять людям напрасных страданий. Бог видит ваше усердие. Крестик носите, Евгения?

– Нет, что-то не получается, цепочка все время рвется, – пожаловалась я и обреченно призналась, что потеряла крестик в одной из драк, когда меня сбросили с пристани в воду. Новый купить по сию пору не удосужилась.

Отец Василий только успевал осуждающе кивать головой:

– Плохо, Евгения, очень плохо, что у вас даже креста нет. Однако не тревожьтесь, мы это быстро поправим. С завтрашнего дня у вас начнется новая, наполненная Его светом жизнь. Я сам это познал, когда пришел в храм к Богу.

– Хорошо бы, – поддакнула я.

Мы условились встретиться завтра, перед утренней службой, чтобы я успела исповедоваться, а позже, во время литургии причаститься. Вечером мне было велено ни есть, ни пить (так называемый евхаристический пост), и с непонятной радостью я согласилась. Не знаю, повлияло бы на это ре-

шение знание того, что тетя Мила напекла пирогов, или нет, но дома меня ждал неприятный сюрприз – эти самые пироги.

Запах я почувствовала еще в коридоре, и по спине побежали мурашки от осознания произошедшего. Какая чудовищная несправедливость! Первый раз в жизни решила по-поститься, и на тебе.

– Женя, привет! Я испекла твои любимые яблочные пироги! – выскочила из кухни тетя Мила. – Как у тебя дела?

– Пока не вошла, были терпимо, – буркнула я, снимая туфли.

В моей голове в этот момент крутилась бесконечно повторяющаяся фраза: «У меня железная воля. У меня железная воля. Да не совратят меня яблочные пироги».

– Ой, Женя, ты не представляешь. Пироги удались невероятно. Я попробовала кусочек и не поверила себе, – улыбаясь, сообщила тетя. – Тесто такое воздушное, мягкое. Так и тает во рту. А начинка – это невозможно описать! Надо попробовать. Я сейчас тебе отрежу кусочек.

– Нет, – выдохнула я.

Из прихожей, мимо обалдевшей тети, я пробежала в свою комнату, упала на постель и зарылась лицом в мягкое пушистое покрывало.

Тетя зашла в комнату следом и с тревогой спросила:

– Женя, ты не заболела? Раньше ты бы никогда не отказалась от пирогов. Я ведь не только с яблоками испекла, но и с малиной, смородиной, вишней. Знаешь, как с мороженой

вишней мучилась: косточки вынимала, она вся раскисла, я туда крахмала добавила с сахаром, потом дрожала, что пирог потечет в духовке, но получилось отменно.

– Уходи, – простонала я в покрывало, закрывая уши ладонями.

Тетя присела на край кровати, заботливо склонилась надо мной, отняла от ушей руки и спросила:

– Ну, что случилось, Женя? Расскажи мне, а то у меня сейчас сердце разорвется. Клиент отказался платить, да?

– Нет, он заплатил, я даже нашла нового клиента и согласилась на контракт, он священник, – сказала я дрогнувшим голосом, подняв на тетю глаза.

– Священник! – Тетины брови удивленно подались вверх. – У них что, тоже бывают какие-то проблемы? Я думала, они только молятся целыми днями. Этот, наверное, сказочно богат, и кто-то ему позавидовал.

– Нет, он не богат, – возразила я сквозь зубы. – Я ухитрилась найти бедного священника, он даже не может заплатить мне за работу.

– Не может быть! – изумилась тетя Мила. – Ты что же, будешь работать бесплатно?

– Да, он меня попросил, и я не смогла отказать, – буркнула я и села рядом с тетей. – Понимаешь, мне показалось, что, если я не соглашусь, его точно пристукнут. Он выбрал путь непротивления насилию. Ему какие-то подонки нож к горлу, а он рассуждает вместо того, чтобы врезать. Раньше,

прикинь, этот священник был спецназовцем, служил в Чечне.

– Думаю, что ты поступила правильно, – серьезно сказала тетя, погладив меня по голове. – Всех денег не заработаешь. Если человеку нужна помощь и ты можешь ему помочь, то надо сделать это. Если он бедный, значит, подлинный. А то вон как некоторые, только карманы набивать – утопают в золоте. Ты из-за денег расстроилась?

– Нет, прошлый клиент хорошо заплатил, можно легко перетерпеть, дело в другом, – ответила я и рассказала про предстоящее причастие. – Я обещала ему поститься. А если я обещаю, то выполняю свои обещания, не могу иначе. Ты же, тетя, вечно, как наготовишь вкуснятины. Обычно я спокойно отношусь к еде, но сегодня магнитная буря, что ли. От одного запаха слюнки текут. Ничего, и не такое терпела, справлюсь.

– Это все потому, что нельзя, – осмыслив, сказала тетя. – Я пойду, убегу пироги в шкаф и закрою кухню, чтобы ты не мучилась.

Когда она ушла, я встала, переоделась в спортивное трико, майку и, проделав комплекс дыхательных упражнений, перешла к отжиманиям, сначала на кулаках, потом на пальцах, а в заключение – на внешних сторонах ладоней. Пять подходов по сто раз здорово отвлекли меня от мыслей о еде. Да, с тетей голодать одно мучение. То ли дело тренировки кандидатов в «Сигму» – отобрали после выпуска студенток,

выбросили в пустыню, и голодай сколько душе угодно. Воды кругом ни капли. За полярным кругом тоже голодать нетрудно. Животных минимум, под рукой только ягель, а он аппетит не очень пробуждает. А как мы голодали на каменистом атолле в океане! Была буря, как-то пытались собрать дождевую воду, пришлось выжимать ее из одежды. Только на третий день удалось подбить камнем случайно залетевшую чайку. Пробовали ловить рыбу. Когда у некоторых из кандидатов начала ехать крыша, нас все же забрали оттуда.

Повиснув на турнике, я решила думать о тухлой рыбе. Однако аппетит это не убавляло. За годы службы брезгливость во мне начисто уничтожили.

– Жень, ты не могла бы потише скрипеть своим турником, все-таки поздно уже, почти одиннадцать, – попросила тетя Мила, заглядывая в комнату. В глазах ее таилось беспокойство и смущение. – Соседи могут еще неведь что подумать.

Я мягко спрыгнула с турника на ковер и, отдышавшись, бросила с раздражением:

– Думаешь, соседи прислушиваются ко всяким скрипам? Нужны мы им сто лет.

– Они прислушиваются, прислушиваются, Жень, и такое потом говорят, – закивала тетя Мила. – Помнишь, ты недавно била кулаками по чурбаку и вошла в раж, что даже начала что-то выкрикивать. Потом Мария Александровна мне сказала: во дворе болтали, будто ко мне приходил мужчина и избивал меня полтора часа. Все сошлись на том, что это мой

бывший любовник и я ему изменила со слесарем, который приходил к нам трубу менять на кухне. А в любовники мне записали соседа из двадцать третьей. Помнишь этого молодого бизнесмена?

Я не смогла удержаться от смеха:

– Тетя Мила, да успокойся. Ничего страшного. Наоборот, в нашем дворе за тобой закрепится имидж роковой обольстительницы.

– В наше время таких обольстительниц знаешь, как называли? – хмуро буркнула тетя и добавила совсем уж печальным голосом: – Как я посмотрю в глаза жене этого бизнесмена, если встречу ее на улице?

– Ты лучше ей не в глаза смотри, а следи за руками, – посоветовала я. – Электрошокер, который я тебе купила, все еще функционирует?

– Да. Только я его боюсь, он так страшно трещит. – Вдруг глаза тети от страха расширились. – Ты, что, считаешь, она может напасть на меня?

– Очень даже может быть, – ответила я. – На вид она неврастеничка и из-за своего мужа любую порвет на лоскуты голыми руками, поэтому бей первой и беги. С теми, кто отбивает мужиков, не церемонятся.

– Я же не отбивала, – прошептала тетя и села, медленно бледнея. – Как же теперь-то? Может, ей позвонить и сказать, что между нами ничего не было?

– Так она тебе и поверит, не вздумай, – велела я строго. –

Со временем все успокоится.

– Да, наверное, – согласилась тетя удрученно, а затем попросила: – Женя, а ты не могла бы забрать мои туфли из починки завтра, и продукты кое-какие надо купить.

– Уж не думаешь ли ты теперь скрываться дома от жены соседа? – насмешливо спросила я. – Лучше открыто сойтись в честном бою, разобраться как женщина с женщиной, – я про выдирание косм и расцарапывание лица. Подеретесь раз и успокоитесь.

– Женя, перестань издеваться, – потребовала тетя. – Я не хочу ни с кем сходиться в бою.

– Не будет она на тебя нападать, расслабься, я просто пошутила. – Обняв тетю Милу за шею, я добавила: – Но электрошокер все равно носи с собой. Кругом полно всяких психов.

– Женя, я теперь спать не смогу, – горестно всплеснула руками тетя Мила.

Часа в два ночи я проснулась и поплелась на кухню. Налила в бокал воды и вспомнила, что мне и пить-то нельзя. С воспоминанием о посте вернулись греховные мысли о пирогах, закрытых в шкафчике.

– У меня стальная воля, – сказала я себе, выплеснула воду в раковину и решительно поставила пустой стакан на стол.

А пирогами между тем все же пахло. Казалось, все стены пропитались этим манящим запахом. Ехидный голос подсо-

знания посоветовал наплевать на обещания какому-то попу. Он-то сам наверняка во все посты так трескает, что за ушами трещит. Я задавила в себе этот противный голос. Обещание не будет нарушено ни при каких условиях.

В доказательство крепости своего характера я решила заглянуть в шкафчик. Посмотрю на пироги, и ничего со мной не сделается.

Аккуратно отворив дверцы, я заглянула: пироги как пироги, ничего особенного. Пять штук. Они лежали каждый на своем блюде, три из них надрезаны, и была видна начинка: в одном – порозовевшая малина, в другом – истекающие густым соком ягоды вишни, а в третьем – кусочки яблок, застывшие в прозрачном желе.

– Не очень-то они мне и нужны, – сказала я себе, сглотив слюну. – Да я могу на них часами смотреть и не притронусь. В «Ворошиловке» я сносила такое, что какой-то пост по сравнению с этим – детский лепет.

Мои глаза были прикованы к отрезанному от яблочного пирога куску, лежавшему тут же на блюде. Для тренировки силы воли я взяла его и, приблизив к носу, втянула кисло-сладкий яблочный аромат раз, другой.

Уши уловили едва слышный шелест ткани в коридоре, словно бесплотный дух крался ко мне. Свободной рукой инстинктивно схватилась за нож и начала поворачиваться к двери. Вдруг тишину разорвал отчаянный крик:

– Нет, Женя, не смей этого делать!

Вздвогнув, я уронила пирог на пол. Тетя Мила подскочила ко мне и захлопнула дверцы шкафчика с сердитым шепотом:

– Я не позволю тебе нарушить пост. В кои-то веки собралась причаститься, а чуть-чуть потерпеть не можешь?

– Я все могу и не собиралась ничего такого делать, – буркнула я в ответ. – Ты зачем так кричала? Соседи небось уже милицию вызывают, решили, что я прирезала тебя ради жилплощади.

– Они вызовут, от них дождешься, только музыку врубают так, что стены дрожат, – проворчала тетя, подхватила кусок пирога с пола и отправила его в мусорное ведро. – А ты, Женя, больше не думай сюда пробираться, я буду следить.

– Она будет за мной следить! – хмыкнула я. – Только посмотрите на нее. Тетя, я умею себя контролировать. Не занимайся ерундой. Спи спокойно и ни о чем не думай.

Проворчав себе что-то под нос, тетя пошла в свою комнату, я – в свою. Легла на кровать, укрылась простыней, но сон не приходил. Даже самогипноз не помогал. Из-за проклятых пирогов я не могла сконцентрироваться. Да что ж это за навязчивое такое! Перевернулась на один бок, на другой, на живот, снова на спину. Открыла глаза и тяжело вздохнула. Навязчивые мысли о еде не покидали. Запах пирогов, казалось, проник даже в мою комнату. Открытые глаза смотрели в потолок, на котором в свете уличных фонарей на стене формировались различные тени, в основном овальной фор-

мы, очень похожие на... Я зажмурилась, затем вскочила и ринулась на кухню.

Плевать на все. Священник ничего не узнает. Навру ему завтра да и все...

С этими мыслями я ворвалась на кухню, схватила со стойки нож и напала на пирог, который тетя по неизвестным причинам оставила на столе. Секунд тридцать – и от него остались только крошки на тарелке. Чувствуя, как едва не лопадется мой желудок, я с нетипичной для себя жадностью впихивала в измазанный начинкой рот последний кусок, и тут на кухню вбежала тетя. Глаза ее округлились. Страшно закричав, она кинулась ко мне. Я с пирогом метнулась в угол и доела его в одно мгновение.

– Женья! Что ты натворила! Это же был пирог для соседей сверху! – закричала тетя Мила.

Я обернулась и, чтоб пирог не полез из меня обратно, с набитым ртом проговорила:

– Обойдутся твои соседи. С чего им вдруг такая честь? Ты же сама говорила, что они сводят тебя с ума музыкой.

– Вот поэтому я в этот пирог положила «Крысина», – с горечью бросила тетя и печально спросила: – Где я теперь нового яда найду среди ночи?

– Тетя, – прохрипела я, пошатнувшись, схватила тетю Милу за плечи слабеющими руками и сползла на пол.

Мир перед глазами мерк, силы уходили. В животе начались страшные рези, характерные для отравления крысиным

ядом. Тетя что-то говорила, но я не слышала. Свалившись окончательно на пол, возвела я на нее глаза, протянула руку и попыталась закричать, чтоб тетя Мила вызвала «Скорую», хотя и ежу понятно: при такой дозе ей не успеть. Сказать ничего не получалось. Губы словно заledenели и не слушались. Я напрягла последние силы и, крича, проснулась. Перед лицом темный силуэт склонившегося надо мной человека. Тут же я вскочила и вывернула руки, тянувшиеся к моему горлу.

– Жень, что ты делаешь? – жалобно пискнул нападавший голосом тети Милы. Я включила ночник и увидела, что действительно скрутила собственную тетю. Резкие пробуждения посреди ночи не способствовали улучшению мыслительных процессов, поэтому я тупо спросила:

– Ты что тут делаешь посреди ночи?

Тетя вырвалась и, разминая вывернутую руку, с обидой в голосе бросила:

– Ты кричала во сне и металась. Я не могла заснуть. Вот решила встать и разбудить тебя, потому что слушать эти стоны посреди темноты просто невозможно. Пришлось нарушить твой запрет не подходить к тебе, когда ты спишь.

– Фу, ладно, фиг с ним, с запретом, – махнула я рукой, вытирая испарину со лба. – Теть, ты не поверишь, какой мне только что кошмар приснился.

– Отчего не поверю, – хмуро буркнула тетя. – При твоей работе подобные кошмары объяснимы. Боюсь и представить, как ты, когда выйдешь замуж, будешь спать с мужем в

супружеской кровати. Он у тебя, наверное, будет постоянно битым, с вывернутыми руками и ногами. Захочет тебя поцеловать, а ты ему шею свернешь.

– А я его предупрежу, чтобы во сне не целовал, – бодро ответила я, меряя шагами комнату. – Тебя же, тетя, я не убила.

– Большое спасибо за твое великодушие, – проворчала тетя. – Жень, давай я тебе дам хорошего снотворного?

Я посмотрела на часы, показывавшие половину четвертого, и решительно покачала головой:

– Нет, тетя, я справлюсь сама и без всякой химии.

Тетя пожала плечами и пошла в свою комнату. Я легла, а через несколько секунд уже смотрела следующий сон, ненамного лучше предыдущего. И так до утра. В шесть подъем. Десятикилометровая пробежка и комплекс силовых упражнений, душ, а после на своем «Фольксвагене» я рванула к церкви.

Поднимающееся на горизонте солнце окрасило белокаменные стены церкви в розовые тона. Двухэтажное прямоугольное основание с арочными окнами подклета с гульбищем, над ним следующий уровень крестообразной формы, выше восьмиугольник с арочными окнами, завершенный узорчатым кокошником, далее восьмигранный шатер, увенчанный позолоченной главой в виде луковицы с крестом. Над входом в церковь навес, поддерживаемый невысокими прямоугольными колоннами. Справа от основного здания церкви массивная шатровая колокольня, связанная с церковью галереей. Она упиралась в перекресток дорог. На другом фланге уравнивал композицию легкий стройный шатер, оканчивающийся барабаном, который укрывал купол с крестом. При свете дня церковь выглядела монументально. Несмотря на облупившуюся краску и осыпавшуюся штукатурку, древние стены словно излучали силу.

Вдоль ветхой чугунной ограды росли ели. Я двинулась мимо них к деревянным воротам, чувствуя, что мне нужно во двор, а не в храм. Краем глаза я заметила нищих, оккупировавших пространство у крыльца. Почти всех их я видела раньше, колеся по городу. Например, мужчина, изображавший безногого ветерана Чечни с табличкой на груди, ранее был жертвой Чернобыля и стоял в районе детского парка в

Тарасове, еще раньше он был слепым музыкантом и в паре с другим слепым играл на гитаре в переходе вокзала. Его напарник был тут же, но изображал эпилептика-паралитика. Старушка с табличкой погорелицы кочевала по городу весь год. Теперь перебралась в Карасев, сменив табличку. Сейчас она вроде бы искала средства на операцию для внука, больного лейкемией. Дальше сидел дед с большой окладистой бородой в черных очках слепого. На груди у него висело более десятка орденов и медалей, а в руках табличка: «Ветеран войны», однако в базе данных МВД на него имелось толстое досье, и на войне он вовсе не был. Сидел в это время за убийство и разбой. Фамилия у него еще такая запоминающаяся – Мудель. Я когда на нее наткнулась, глазам не поверила.

Окинув взглядом весь этот сброд, я собиралась пройти мимо к воротам во двор, но меня остановил говор двух женщин, подступивших к храму. Одна у другой шепотом спрашивала мелочь, чтобы подать нищим, иначе они вроде разозлятся. Женщины прошли вперед, кинули монеты в шапки и коробки нищих, но в ответ вместо благодарности слышали лишь недовольный рев, а изображавший эпилептика вдобавок обматерил женщин, считая, что раз он играет роль больного, то ему все можно.

Я замедлила ход. Дождалась, когда женщины скроются за дверью, и подошла к нищим.

– Подайте Христа ради, – жалобно протянул «ветеран войны», поднимая глаза к небу и потряхивая картонной короб-

кой.

– Давай, мать твою, – нагло проорал эпилептик, натужно дергаясь, – давай, сволочь, иначе черти в аду тебя будут поджаривать на сковородке.

Сделав вид, что ищу кошелек, я огляделась. Нищие подались вперед в предвкушении поживы. Однако я достала из сумки пустую руку и, пожав плечами, извиняющимся голосом бросила:

– Извините, забыла кошелек в другом кармане.

Лица просителей исказила неподдельная ненависть.

– Сука, гореть тебе в аду, – выкрикнул эпилептик.

На это я простерла к ним вперед руку, как пророк, и воскликнула:

– Убогие, калеки и просто придурки, призываю вас – исцелитесь! – Затем достала из сумки муляж гранаты и перед их глазами вырвала чеку, прикрывая гранату так, чтоб ее не увидели прохожие со стороны улицы.

Исцеление нищих было мгновенным и буйным. У безногого появились ноги. Глухонемой завопил благим матом, обретя голос. Слепой прозрел. Вся шайка с воем кинулась врассыпную. Я проводила их взглядом, пряча гранату в сумку, и увидела пожилую женщину, застывшую с открытым ртом на дорожке перед церковью.

– Видели, как я их излечила?

– Так они же не болели, – пробормотала женщина, троекратно перекрестившись.

– Тьфу ты, только силу зря тратила, – воскликнула я с деланой досадой и пошла к воротам.

Мне открыл высокий белобрысый мужчина с ненормальным взглядом и блуждающей улыбкой. Он рассматривал меня своими серыми подслеповатыми глазами, и улыбка то появлялась, то исчезала на его лице, точно кто-то невидимый дергал за уголки его пухлых, неровных, как бы изломанных губ.

– Благослови вас Господь, – радостно сказал мужчина, после секундного колебания и вновь улыбнулся.

Сообразив, что у него не все дома, я мягко ответила:

– Пусть Он и тебя благословит. Ты пропустишь меня? Мне надо найти отца Василия.

– Да входите. – Мужчина улыбнулся еще шире и посторожничал.

Я вошла и увидела своего вчерашнего знакомого. Отец Василий разговаривал со стариком у невысокого здания внутри двора. Заметив меня, отец Василий размашисто зашагал в мою сторону. Я двинулась навстречу. Ненормальный, глупо улыбаясь, засеменил рядом.

– Здравствуйте, Евгения. Очень рад, что вы пришли вовремя, – поприветствовал меня священник и представил мне улыбчивого мужчину: – Это Иван. Мы его так сами нарекли, потому что не знаем истинного имени. Он его и сам не помнит. Я как-то шел, и он, грязный и оборванный, попросил у меня милостыню. Сказал, что не ел несколько дней.

Денег у меня не было, и я привел его сюда. Мы его накормили, помыли, переодели и оставили при храме. Хотя бог не вложил в его голову достаточно ума, зато дал в избытке силы и усердия. На территории храма есть небольшое подсобное хозяйство, вот Иван там и трудится. Не боится никакой работы. Все, что ни попросишь, сделает. Молодец. – Обращаясь к ненормальному, отец Василий ласково сказал: – Ваня, это Евгения. Она спасла меня вчера от лихих людей.

Иван посмотрел на меня с детским восторгом, спросив:

– Ты ангел, что ли? Такая красивая, как на картинке в церкви на стене, только волосы коричневые, а у того ангела белые.

– К большому сожалению, я далеко не ангел. И не из-за цвета волос, – ответила я, не зная, что ему еще можно сказать. – Что, хочешь, чтоб я покрасилась? Думаешь, светлые волосы мне подойдут больше?

– Не, не надо. Оставайся с такими – ты все равно ангел, – заверил меня Иван с серьезным видом. – Я видел на иконе святую и с коричневыми волосами.

– Ваня, а кролики-то, поди, голодные, – напомнил моему собеседнику отец Василий. Упоминание о кроликах вызвало у Ивана сильное волнение. Он предложил мне составить ему компанию, но я вежливо отказалась, а отец Василий пояснил причину моего отказа: – У Евгении сегодня причастие, первое за много лет. Сейчас она должна исповедаться. Потом она, конечно, посмотрит твоих кроликов.

– А-а-а, – протянул Иван с пониманием, сосредоточенно ковыряя в носу пальцем. – Но я потом на службу приду, и вы мне свечку дадите.

– Обязательно дам, – пообещал отец Василий, подталкивая мужчину в спину. – Иди и помни, что со свечами надо быть осторожнее, чтоб не получилось, как тогда.

– Я буду очень осторожен, – с жаром пообещал Иван.

Он ушел, а я спросила у священника, что он имел в виду, говоря: «Будет как тогда».

– Пойдемте в храм, – предложил отец Василий.

Медленно ступая со мной в ногу, он с печальной улыбкой поведал, как Иван недавно во время литургии поджег нечаянно свечкой костюм одному богатому человеку. Тот первый раз пришел в церковь и устроил настоящий скандал из-за своего прожженного пиджака. Пришлось пострадавшего выводить из церкви почти силой, так как он не желал успокаиваться, смущал прихожан. Этот человек позже подал на церковь в суд, заявив, что коли дурачок живет при церкви, то церковь должна платить за его дела.

Слушая священника, я отметила про себя, что странный, должно быть, был господин, раз не постеснялся устроить скандал в церкви из-за какого-то пиджака.

Перед исповедью отец Василий спросил, постилась ли я?

– Да, – простонала я, вспомнив вчерашний вечер. – Думала, это будет намного легче.

Потом пришлось признать, что я не умею правильно кре-

ститься. Отец Василий с усердием взялся за мое обучение:

– Три пальца – большой, указательный и средний соединяются вместе и знаменуют собой Святую Троицу; безымянный и мизинец – пригибаются к ладони и знаменуют то, что Сын Божий принял на Себя естество человеческое.

Я узнала много нового и подивилась, насколько все сложно.

– Путь к Богу тернист, – заметил отец Василий и предложил начать.

После исповеди я в числе других исповедовавшихся прихожан присутствовала на богослужении. Священнодействие началось с благословения отца настоятеля:

– Благословенно Царствие Отца и Сына и Святого духа, ныне и присно и во веки веков, – прозвучал его сильный чистый голос под сводами храма.

Я с интересом следила за действиями священнослужителей у престола. Приношение даров, затем перенесение их на престол, целование мира и возношение даров с молитвой благодарения и воспоминания.

Старухи, стоявшие рядом со мной, шептались о какой-то похищенной из церкви иконе. Им было не до благоговейного размышления и постижения всех благ, даруемых в евхаристии. На них сердито зашикали, и старушки замолчали.

Я получила причастие и почувствовала себя просветленной. Из души будто ушел какой-то груз. Словами этого не опишешь, но мне стало ясно, что посетить храм я должна

была сразу после ухода из КГБ.

– С миром изыдем! – зычно призвал священник прихожан. Все зашевелились и со вздохами двинулись к выходу.

Старухи, что разговаривали о краже иконы, шли в толпе прихожан впереди меня.

Я вышла вслед за ними из храма и спросила, о какой иконе они говорили.

Старухи вначале перепугались, потом не выдержали и, воровато озираясь, рассказали, что из храма украли икону Богоматери. Поговаривали, что это кто-то из своих, но кто конкретно, так и не установили до сих пор.

– Такое раньше тут бывало? – спросила я задумавшись.

– Нет, что вы! – в один голос воскликнули старухи. По их словам, церковь Преображения лучшая во всей области. Особенно им нравился отец Василий, который всегда выслушает, поможет и советом, и делом и который все таинства, выезжая на дом к больным, совершает бесплатно.

Оставив старух, я вошла назад в церковь. Отец Василий разговаривал с настоятелем церкви отцом Афанасием. Настоятель, невысокий седовласый старец с белоснежной бородой и мудрыми карими глазами, был явно чем-то недоволен.

– Надеюсь, вы разрешите неприятности с ней самостоятельно. Огласка очень нежелательна, – донеслись до меня негромкие слова настоятеля.

Он глянул на меня, и я поняла, что разговор шел обо мне. Отвернувшись, отец Афанасий, шаркая и прихрамывая, дви-

нулся к выходу. Я же подошла к отцу Василию.

– Начальство недовольно моим присутствием? – спросила я.

– Да, Евгения Максимовна, мирян не принято вмешивать в наши дела, – признался священник. – Однако отец Афанасий не представляет сути проблем. Я служил в спецназе, поэтому знаю, что лишь вы нам поможете. Вы профессионал, не станете болтать направо и налево.

Мы вышли во двор и медленно побрели вдоль ряда хозяйственных построек.

– Отец Василий, – начала я, – вчера вы обмолвились, что покушения на вас неслучайны. Кто же, по вашему мнению, их инициатор?

– Лихие люди, – вздохнул отец Василий с печалью в глазах.

– Это слишком абстрактная формулировка, нельзя ли точнее, – попросила я. – Кому вы могли перейти дорогу?

– Мне на ум приходит лишь один человек, способный на такое зло, – ответил священник с расстановкой. – У выезда из Тарасова расположен Свято-Петропавловский храм. Его настоятель отец Глеб позорит свой сан и православную церковь делами, от которых просто волосы дыбом встают. Прихожане бегут из его прихода. Несколько женщин, живущих по соседству с домом отца Глеба, рассказали, что у него там чуть ли не притон. Я провел небольшое расследование и убедился, что они говорят правду. Удалось узнать, что отец Глеб

раньше сидел за разбой, потом как-то проник в духовную семинарию, выучился и в короткий срок получил рукоположение и храм в свое подчинение. Я написал недавно обо всех его подвигах в епархию, чтоб епископ принял меры, но ответа пока нет, а отец Глеб как-то разузнал про мою жалобу, подъехал на улице и пригрозил, что если я еще раз пойду против него, то мне заткнут рот и похоронят. Видели нищих перед церковью? Их посадили люди отца Глеба, чтоб они своим поведением отвращали от нас людей. Мы уж этих бесноватых гнали и в милицию обращались, но ничего не помогает. Если б не мой обет, я бы их наглые рожи... – Устыдившись своего порыва, отец Василий запнулся.

– То есть вы не будете по ним скучать, если они вдруг исчезнут? – спросила я.

– Евгения, я, кажется, говорил о своем отношении к насилию? – напомнил отец Василий.

– Никакого насилия, просто добрая милая шутка, – улыбнулась я, – они сами собрались чего-то и ушли. Юмора не понимают, наверно.

– Ладно, – махнул рукой отец Василий, – буду молиться, чтоб они не вернулись.

– Прослежу, чтоб ваши молитвы были услышаны, – пробормотала я себе под нос.

– Что вы сказали? – спросил настороженно отец Василий.

– Ничего. Скажите лучше, вы в милиции, когда обращались по поводу покушений, рассказывали им о своих подо-

зрениях про отца Глеба? – уточнила я.

– Конечно, нет, – ответил отец Василий. – Я же точно не знаю, он нанял тех отморозков или нет.

– И вы не хотите огласки подвигов отца Глеба, насколько мне стало понятно из слов настоятеля? – предположила я.

Отец Василий, смутившись, проговорил, не глядя на меня:

– Нет, настоятель имел в виду совсем другое дело. Оно не связано с покушениями на меня.

– Вы говорите о краже иконы? – спросила я.

– А откуда вы узнали про икону? – воззрился на меня священник.

– Батюшка, шила в мешке не утаишь, – ласково сказала я ему и похлопала по плечу. – Я слышала, как ваши прихожане судачат об этом во время службы. Что за икона – ценная?

– Да в том-то и дело, что нет, – тяжело вздохнул отец Василий. – Мы относили ее в музей проконсультироваться, и нам там сразу сказали, что это копия. Кому она могла понадобиться? Самое плохое, что мы с настоятелем подозреваем, сделал сие кто-то из своих, так как кража произошла после вечерни, когда во храме не было никого из прихожан. Я не могу представить, кто это мог быть. Подобное мне кажется просто невозможным. Кто мог взять себе на душу столь отвратительное деяние?

В этот момент я услышала, как кто-то рядом с чувством насвистывает «Мурку». Немного диковинный мотивчик для

церковного подворья. Повернувшись, я посмотрела на свистуна – то был худой, заморенный, растрепанный старик в тельняшке, драных джинсовых шортах до колена и шлепанцах на босу ногу. Его кожа во множестве мест синела наколками. Наколотые перстни на пальцах, воровские обереги на руках и ногах в виде цепей, свечей, крестов и игральные карты, купола, проглядывавшие из-под тельняшки, – все свидетельствовало о том, что передо мной сиделец со стажем. Не обращая на нас внимания, старик строгал что-то из дерева у стены хозблока.

Я толкнула в бок отца Василия и указала глазами на бывшего уголовника:

– Этот человек что, тоже у вас здесь обитает?

– Да, это Александр, недавно вышел из исправительного учреждения, и мы его приютили, – улыбнулся отец Василий беззаботно, – ему некуда было идти. Я не мог его оставить без помощи, ведь это бы вернуло его обратно за решетку. Надо было поддержать, не дать оступить снова. Работает при храме сторожем и по хозяйству помогает. Руки у него золотые.

От слов священника у меня так челюсть и отвисла. Кое-как собравшись с мыслями, я понизила голос и проговорила:

– Батюшка, а знаете ли вы, что ваш подопечный закоренелый рецидивист? Я разбираюсь в наколках и могу сказать, что Александр большую часть жизни провел за решеткой.

– Да, я знаю. Александр рассказывал о своей жизни, – спо-

койно ответил отец Василий. – Из-за своих ошибок он просидел в местах лишения свободы двадцать девять лет. Теперь он совсем другой человек. Он полностью раскаялся и начал здесь новую жизнь.

– Вот как, – восхитилась я, затем ехидно спросила: – А вы не спрашивали, где он находился в момент кражи?

– Нет, я не мог оскорбить его недоверием, – ответил отец Василий.

– Настоятель же вам расследование как бы поручил. Как же вы его проводите? – спросила я удивленно.

– Денно и ночью молюсь за человека, похитившего икону, чтобы он нашел в себе силы признаться, вернуть похищенное и покаяться, – заявил священник торжественно.

– Мне кажется, батюшка, одних молитв для проведения расследования недостаточно, – намекнула я.

– Я опросил всех, в том числе и многих прихожан, не видели ли они кого-нибудь, кто интересовался иконой, и не знают ли они, кто это мог сделать, – терпеливо пояснил отец Василий. – Однако я не собираюсь задавать такие вопросы, которые могут посеять в душах людей сомнения или подозрения. Вор должен сам осознать всю тяжесть своего поступка и прийти к покаянию.

– Что ж, надеюсь, у вас получится, – ответила я, но в моих словах не было убежденности.

Не спеша мы приблизились к Александру. Он оторвался от своей доски, которую строгал, и посмотрел на нас с

хитрым прищуром. Внешность у рецидивиста была не самая располагающая. Крупный сломанный нос, маленькие карие глаза с затаенным ожиданием чего-то, редкие рыжеватые брови, взлохмаченные волосы, тонкие, синеватого цвета губы, с горькой складкой по уголкам, смуглая, дубленая сибирскими морозами, ветрами и иссеченная морщинами кожа. Улыбнувшись, Александр показал отсутствие передних зубов.

– Здорово, батя, – прозвучал его хрипловатый, грубый голос. – Откуда взял такую красавицу?

– Бог привел, – ответил отец Василий и представил меня ему, сообщив о роде занятий и богоугодной миссии, кою я буду выполнять. Скрытность не являлась одной из черт характера священника, мне же не пришло в голову его предупредить заранее, чтоб он не рассказывал обо мне каждому встречному и поперечному.

– Значит, Женя, а я Саша, – ухмыльнулся «тертый» прихожанин. – Каким же макарон вы нам поможете, гражданочка? Вас батя, что, в натуре на отмазку взял? – И, взглянув на священника, поправился: – Я хотел сказать: для защиты нанял. Может, я чего не догоняю?

– Да, я телохранитель отца Василия, – ответила я.

Александр посмотрел на меня понимающе, а отец Василий вновь упомянул о золотых руках Александра.

– Да на зоне еще не тому научат, – сплюнул сквозь зубы бывший зэк, показал доску, что строгал, и пояснил, что это

будет детская кровать для одной из прихожанок. – Разрису, лаком сверху.

– Рисовать любишь? – зацепилась я. – Наверно, и картины нравятся, видел, какие в церкви иконы? Классно нарисованы. Да?

– Даешь набой, что я церковь оказачил? – спросил враждебно Александр. – Так я не крыса, чтоб у своих, поняла, дешевизна? Мне тут харч и кабину дали и отнеслись как к человеку. Я тут нужен.

– Все, братья и сестры, успокоились и разошлись, – встрял между нами отец Василий. Он схватил меня за локоть и оттащил в сторону, сердито отчитывая: – Не смейте больше, Евгения Максимовна, заводить такие разговоры. Я не хочу, чтоб Александр сорвался. Его душа вся изранена. Даже намек способен вывести его из равновесия. Он всю жизнь жил по волчьим законам и не скоро от них отойдет. Не провоцируйте его.

– Это все, конечно, понятно, – кивнула я, высвободив локоть, – но поймите, батюшка, он самый вероятный подозреваемый в краже. Вор не разбирается в искусстве, иначе бы не украл грубую подделку. Сами же говорили, что в музее сразу определили на глазок, что это всего лишь копия. Александр не выглядит искусствоведам, склонен к антисоциальным поступкам, в уголовной среде у него полно связей, чтобы сбыть краденую икону, а главное, вы по своей доброте сделали его сторожем – по-моему, очень неудачное решение, учитывая

срок, проведенный вашим подопечным за решеткой.

– Это не Александр, – упрямо возразил священник. – Я ему верю, а вера творит чудеса, она способна преображать.

– Вам виднее, – согласилась я нехотя. – С иконой мы разберемся позднее. Сейчас первоочередное – покушения на вас. Вернемся к этому. Одного подозреваемого мы уже определили – отец Глеб. Теперь подумайте еще, кто может вам желать зла. – Спиной я почувствовала взгляд, обернулась и увидела Ивана с его неизменной блаженной улыбкой. Подошел так тихо, что я заметила его только, когда он вышел из-за угла.

– Я покормил кроликов, – сообщил Иван гордо.

– Молодец, ступай к себе в комнату и помолись, как я учил, – сказал ему батюшка.

Иван поморщился и жалобно попросил отца Василия:

– Можно я с вами немножко постою?

– Ну, постой, – согласился отец Василий отстраненно и сказал мне, отвечая на заданный вопрос: – Две недели назад у меня тут случай был. Шел я по улице и увидел, как бритоголовые избивают семью таджиков. Кажется, некоторые из парней, что напали вчера на меня, были в их числе. Помнится, я подошел к ним и призвал остановиться. Они испугались, хотя превосходили меня числом, погрозили-погрозили и ушли. Что, если это они мне мстят?

– Очень может быть, – кивнула я, – припоминайте еще.

– Ворожея есть недалеко отсюда, – проговорил священник

медленно. — Лечит травами, православными молитвами, заговорами на воду, использует иконы, кресты, прикрывается именем Божиим. Много народу от нее пострадало. Больным со временем становилось только хуже. В травах она не разбирается, — это могу заявлять ответственно, так как сам с Алтая и мой отец занимался траволечением и многому меня научил. Я к ней ходил, пытался образумить, но у ворот меня перехватила охрана ворожей. Они велели мне убраться и сказали, что ноги вырвут. Я их пристыдил, да что толку. Дьявол прочно поселился в их душах. Я ушел, однако регулярно стал проводить беседы с прихожанами, чтобы не допускали к себе всяких колдунов и псевдолекарей. Народ-то сейчас стал темным, духовно слабым. Думаю, до ворожей могли дойти слухи о моих высказываниях, и она или те, кто за ней стоят, рассердились.

— Недурная версия, — признала я и локтем отпихнула на-двинувшегося сзади Ивана. Своим прерывистым дыханием он неприятно холодил мне шею. Вот привязался!

— Ой, она дерется! — обиженно воскликнул Иван, отпрыгнув.

— Евгения, — укоризненно покачал головой отец Василий. Я открыла рот, чтобы высказать все, что думаю о придурке, но в этот момент Иван дал мне пинка и, хохоча, бросился бежать. Я со звериным рыком рванулась за ним, однако отец Василий с проворством бывшего спецназовца схватил меня за руку и остановил:

– Евгения, он же не ведает, что творит. Сущее дитя. Оставьте свою ярость.

Я остановилась, расслабила напряженные мышцы и кротко улыбнулась:

– Хорошо, батюшка, мне стыдно за мой порыв, – а сама подумала, что, если потом при случае проучу придурка, меня за это в ад не сошлют.

– Что вы собираетесь делать? – спросил отец Василий. – Я относительно моего дела. Хотелось бы знать ваши шаги наперед, потому как у меня опасения, что может свершиться насилие.

– Никакого насилия, – заверила я горячо. – Соберу сведения, выясню, кто на вас наехал, а вы уж потом решайте, что делать. Пока буду вас охранять. Поскольку все нападения были совершены вне стен церкви, то думаю, что здесь вы в относительной безопасности. Сопровождение вам потребуется лишь в поездках за пределы этого двора. Куда вы обычно ездите?

– Я не езжу, у меня нет машины, – ответил священник. – По разным надобностям я навещаю прихожан и передвигаюсь исключительно своим ходом.

– С вашими пешими прогулками придется заканчивать, – произнесла я твердо, – сейчас это опасно.

– Но я не могу отказать в помощи людям! – воскликнул отец Василий. – Некоторые из прихожан больны и не в состоянии посещать церковь. Я их навещаю. Кому-то надо испо-

ведаться. Некоторые при начале строительства просят освятить место или дом после определенных негативных событий, или с кем-то просто надо побеседовать, вразумить, поставить на путь истинный.

– Неужели нельзя подождать несколько дней с этим? – спросила я. – Решим проблемы и тогда...

– Нет, – перебил меня священник. – Помощь людям нельзя откладывать, так как потом может быть слишком поздно.

– Ладно, тогда будем ездить на моей машине, – вздохнула я. – Скажете, когда надо будет куда поехать, а сейчас покажите, где находилась та похищенная икона.

Отец Василий провел меня обратно к храму. Мы зашли внутрь, приблизились к алтарю.

– Здесь, – указал он и пояснил: – Копия-то она копия, но выполнена была хорошо. Богоматерь и младенец Иисус смотрят, как живые. Мы ее специально поставили на видное место, чтобы прихожане любовались красотой. И вот после вечерни я вернулся сюда, сам не знаю зачем, как будто что-то толкало. Захожу, а иконы нет. Прихожан в это время никого не было. На дверях и окнах сигнализация. Если бы я не зашел сюда, то пропажу обнаружили бы утром, и тогда точно все подозрения обрушились бы на Александра, так как он сторож и отвечает за церковное имущество.

– Верно, – кивнула я, обходя иконостас. – Однако на вашу сигнализацию я бы не надеялась. Такую и ребенку под силу отключить. Другое дело – зачем ее украли. Вор соби-

рается продать ее как настоящую? Но если музейные работники сразу распознали подделку, то антиквары, подпольно приторговывающие иконами, сделают это и подавно. Думаю, вор, поняв свою ошибку, подбросит икону назад, или ее обнаружат где-нибудь в городе. Это же улика, и вор постарается от нее избавиться. Так что не волнуйтесь – скоро вы ее вновь обретете.

– Мне важна не столько икона, сколько открытие истины, – ответил отец Василий. – Важно выявить вора и привести к покаянию.

– Играете в детектива, отец Василий? – весело спросил, подходя к нам, молодой диакон, которого я уже сегодня видел на службе. Звали его Дмитрием. Высокий, но пониже отца Василия, статный, с правильными чертами лица, смуглой кожей, длинными черными волосами, зачесанными назад, с жидкой бородой и густыми широкими бровями, из-под которых озорно глядели большие выразительные глаза.

– Какой из меня детектив? – махнул рукой отец Василий и указал на меня: – Вот Евгения профессионал в этом деле. Она нам поможет.

– Вы детектив? – с интересом спросил диакон. Он немного склонил голову набок, сцепил руки и посмотрел мне прямо в глаза.

– Что-то вроде того, – пробормотала я недовольно.

– Евгения, – предостерегающе рыкнул отец Василий, – мы в стенах храма Божьего.

– Да, я профессионал. Но не детектив, а телохранитель. Расследования я веду, так как лучший способ защитить клиента – выявить источник опасности и нейтрализовать его.

– Вашей работе не позавидуешь, – протянул диакон и провел рукой по бороде. – Я ведь тоже в миру увлекался детективами. Знаете, Евгения, после кражи я много думал и пришел к выводу, что вор пытался подставить нашего сторожа Александра. Отец настоятель грешит на своих, а я думаю – кто-то проник извне, отключил сигнализацию, открыл отмычкой замки.

– Да у вас талант, – усмехнулась я рассуждениям Дмитрия.

Внезапно под сводами храма зазвучал «Владимирский централ». Мне подумалось, что это глюки начались от поста да от обилия новых впечатлений. Рука скользнула в сумочку, к мобильному телефону, хотя знала, что у меня в сотовом такой мелодии нет. Диакон посмотрел на отца Василия, и тот, вздрогнув, вытащил из-под рясы плоский изящный мобильник в титановом корпусе с широким цветным экраном. Я еле сдержалась, чтобы не присвистнуть. Такой стоил под штуку баксов, а батюшка пел мне, что не имеет денег даже на проезд в маршрутном такси. С деловым видом отец Василий выслушал говорившего, убрал мобильник и ринулся к выходу, сообщив, что у него срочное дело. Я рванулась за ним:

– Батюшка, вы не забыли, что просили меня охранять вас?

– Да, я помню, но сейчас мне опасность не угрожает, –

бросил через плечо отец Василий. – Вы можете со спокойной душой остаться здесь, поговорить с людьми.

– Ну уж нет, – упрямо ответила я, – коль взялась вас защищать, значит, буду это делать, как привыкла.

Мы выскочили из церкви. За оградой на дороге стоял припаркованный «Мерседес S-500» темно-синего цвета. Из него не торопясь выбрался бритый парень в строгом черном костюме.

– Стойте, – я придержала священника за рясу, – парень у машины вооружен.

– Это за мной прислали, я должен с ним ехать к одному из своих прихожан, – пояснил отец Василий, вырываясь. – Не беспокойтесь, все в порядке.

Бритый парень, поздоровавшись, распахнул перед священником заднюю дверцу. Отец Василий залез. Я забралась следом и села рядом со священником.

Клиент жил на окраине Тарасова в новом дачном поселке. «Мерседес» подрулил к огромному трехэтажному особняку из красного кирпича, выполненному в современном стиле, с большими зеркальными окнами. Кусты и деревья вокруг дома аккуратно подстрижены. Двор выложен белой плиткой. Перед решеткой въездных ворот охрана – крепкие парни в костюмах. Они явно встречали нас.

Отца Василия пропустили беспрепятственно, а передо мной сомкнулись могучие плечи охранников. Я собиралась возмутиться, но отец Василий попросил подождать его в ма-

шине. Пришлось подчиниться. Оставшись у ограды, я сделала несколько попыток разговорить охранников, однако быстро поняла, что это бесполезно, плюнула на все и села в машину. В голову лезли невеселые мысли. Похоже, хитрый батюшка меня расчетливо надул, прикинувшись бедной овечкой. Вот он как ходит пешком и каким людям помогает, и уж наверно, не бесплатно, раз имеет мобильник за штуку баксов.

Возвращения отца Василия я ждала более полутора часов. Вернулся батюшка довольный, с сияющими глазами.

– Удачно все прошло? – поинтересовалась я ехидно.

– Да, мою душу переполняет радость, – ответил счастливый батюшка.

– А тело? – спросила я. – Кто говорил, что он помогает лишь бедным и денег за это не берет? Откуда эти «Мерседесы» и мобильники в титановом корпусе?

– Стыдитесь, Женя! Почему вы усомнились во мне? – с укором произнес отец Василий. – Я действительно не беру денег с прихожан и не делаю различий – беден человек или богат. Богатство ведь одно из самых тяжелых испытаний, которое не многие выдерживают. Если в моих силах помочь человеку прийти к Богу, я помогаю. Эти люди, – он указал на особняк, – нуждались в помощи. Жена хозяина дома тяжело болеет и решила обратиться к вере. Я приезжаю и веду с ними беседы. Ей сейчас становится легче. Мобильный дал ее муж, чтобы женщина могла связываться со мной. А машину

он за мной присылает, чтобы сэкономить время. Ходить в такую даль мне не под силу.

– А почему они не обращаются в местную церковь? Почему тягают вас из Карасева? – спросила я с меньшим пылом. Слова священника звучали как правда, и действительно, мне стало не по себе из-за своих обвинений.

– Они обращались в храм в Тарасове и наравались на отца Глеба, – пояснил священник. – Этот подлец стал тянуть с них деньги, и, видя подобную алчность священнослужителя, супруги едва не отвернулись от церкви. Потом кто-то из прихожан посоветовал им обратиться в наш храм.

– То есть вы переманили от отца Глеба ценного клиента, и верно, не его одного? – произнесла я, размышляя вслух. – Потом настучали на него епископу – да за такое он может осерчать и нанять киллеров.

– Куда, батюшка, вас отвезти? – спросил, повернувшись с переднего сиденья, водитель.

– А можно к Свято-Петропавловскому храму? – попросила я. – Хочу посмотреть на отца Глеба.

– И чего смотреть на этого бесноватого, – удивился священник, но сильно возражать не стал и сказал водителю: – Сережа, будь так добр, отвези нас, пожалуйста, к церкви у въезда в город.

– Без вопросов, батюшка, – отозвался водитель, нажимая на газ.

Еще от дороги из-за здания педагогического колледжа по-

казались голубые главы храма, увенчанные сверкающими на солнце золочеными крестами. Мы обогнули колледж и остановились недалеко от Свято-Петропавловской церкви.

– И кто может предположить, что за этими стенами поселилось зло, – тяжело вздохнул отец Василий и сокрушенно покачал головой. – Ничего, я верю, что с Божьей помощью мы очистим сей храм от скверны.

– К гадалке не ходи, очистим, – подтвердила я, разглядывая церковь.

– А вот и он, отец Глеб, – глухо сказал отец Василий, указывая на крыльцо храма, с которого спускался полный бородатый священник в ризе, головном уборе, с кадилом в руках и в сопровождении двух диаконов, тащивших крест и вспомогательные принадлежности. Прямо на тротуаре перед храмом стояли припаркованные в ряд навороченные иномарки, перед которыми толкались их владельцы – типичные братки. Отец Глеб с важным видом подошел к ним, поздоровался и приступил к обряду освящения дорогих машин. Обошел, помахал кадилом, окропил святой водой и снова направился к владельцам. Здесь же, на глазах у всех, те отсчитали и передали ему плату за труды. Вид у настоятеля был весьма довольный. Круглое лицо лоснилось, на щеках – здоровый румянец, на губах – самодовольная улыбка.

– Как у него руки только не отсохнут, – подивился отец Василий с тихой грустью в голосе.

– А он тут живет, при церкви? – спросила я клиента.

– Нет, у отца Глеба здесь рядом большой дом, – ответил священник. – Устав же не предписывает настоятелю проживать в монашеской келье. Каждый волен поступать, как сочтет нужным.

Я предложила проехать до дома отца Глеба.

– Но мне неизвестно, где он точно живет, – возразил отец Василий.

– Зато мне известно, – отозвался водитель, заводя машину. – Я вас отвезу.

Резиденция отца Глеба оказалась в одноэтажном бывшем купеческом доме на центральной набережной. Несмотря на приземистость, дом выглядел внушительно. В центре дома колоннада поддерживала портик, украшенный барельефами. Правое и левое крыло на три окна. Окна украшены арками с лепниной и имитацией замковых камней. Ранее в доме располагалась библиотека, но ее переселили и передали дом во владение настоятелю. Правое крыло все еще стояло в лесах. Там не закончился ремонт. Вокруг дома раскинулась ограда из каменных колонн с ажурной чугунной решеткой. За оградой густо росли деревья и кусты, имевшие совершенно дикий и неухоженный вид. За усадьбой начинались частные дома и огороды обычных горожан.

– Недурной домик, – кивнула я одобрительно.

– Да, красиво жить не запретишь, – поддакнул водитель, ухмыляясь.

Отец Василий только крикнул. Я окинула взглядом улицу.

Приметила рабочих. Один кидал лопатой в бетономешалку песок из кучи, другой принес и свалил на асфальт мешок с цементом, еще двое лазили по лесам, замазывая сколы и трещины. На противоположной стороне от подъездной дороги стоял припаркованный джип «Фольксваген» черного цвета. Я заметила, как из его приоткрытого окошка выплыло облачко дыма. Похоже, за домом наблюдали.

– Разворачивайся, Сережа, и поехали отсюда, – приказала я водителю, чтобы нас не засекли. «В джипе скорее всего охрана отца Глеба или доверенные лица, наблюдающие за подъездами к дому. Внутри, конечно же, еще охранники. Чего они, интересно, там охраняют – несметные сокровища настоятеля или что другое?» – спросила я себя и решила обязательно это выяснить.

– Куда дальше? – осведомился водитель.

Я вопросительно посмотрела на отца Василия:

– В Карасев, к церкви, откуда ты нас забирал.

– Да, домой, – подтвердил священник и, обращаясь ко мне, спросил: – Ну, что думаете, Евгения Максимовна, есть какой-нибудь план?

– Конечно, – улыбнулась я. – Начну с вчерашней бритоголовой шпаны, через них выйду на отца Глеба, если, конечно, это он вас заказал. Об этом потом поговорим. – Я украдкой кивнула на водителя, жестом давая понять, что не стоит распространяться о планах при свидетелях.

Отец Василий все понял и не стал больше задавать вопро-

сов, а пожаловался на музыку в своем суперкрутом мобильном:

– Мне перед людьми стыдно. Песни-то уголовные, а поменять я не могу, совсем запутался в опциях. Я-то ведь вообще в этих новомодных штуках не разбираюсь. Сотовый последний был в армии, но тогда они были намного проще.

– Давайте сюда, – протянула я руку. – Так и быть, спасу вас от шансона.

Взяв мобильник, я в два счета сменила блатную песню на детскую «От улыбки хмурый день светлей» и продемонстрировала отцу Василию результат, за что получила сердечную благодарность.

Сергей высадил нас у церкви и уехал.

– Расскажите, что у вас там на уме? – спросил отец Василий, ступив на крыльцо.

– Ладно, – согласилась я, шагая рядом с ним.

Мы вошли внутрь через небольшую прихожую с церковной лавкой – и попали в мрачный коридор. Свернули направо, миновали вход на колокольню, затем налево, вновь направо и вышли во двор. По дороге я рассказывала священнику свой план. Первое – бритоголовые, найти их и узнать, кто их нанял.

– Вы думаете, они вам расскажут? – с сомнением спросил отец Василий и, уловив что-то в моем взгляде, взволнованно воскликнул: – Евгения, умоляю вас, никакого насилия. Лучше скажите мне, я сам с ними поговорю. Вместе сходим

к каждому домой и пообщаемся с ними и с их родителями. Поодиночке эти парни совсем по-другому себя ведут.

– Я обеими руками за, – ответила я, – мне и самой ненавистно насилие. Однако если моей жизни будет угрожать опасность, я стану защищаться. До вашего непротивления злу мне еще расти и расти духовно.

– Я не запрещаю вам защищаться, но прошу решать все вопросы по возможности миром, – проговорил отец Василий. – Хорошо, а что вы будете делать, когда получите подтверждение вины отца Глеба?

– Тогда я пойду к отцу Глебу и поговорю с ним, посмотрю, что у него дома, какие богопротивные вещи он там прячет, – просто ответила я и призналась: – Что потом делать, я не знаю. Вы же не хотите, чтобы в дело вмешивалась милиция, не хотите, чтобы я применяла насилие. Что же тогда делать с преступником, нарушившим не только законы общества, но и Божьи заповеди? Посоветуйте сами.

– Вообще-то это отец Афанасий против огласки, – пробормотал священник, хмурясь. – Я же считаю, отца Глеба надо судить прилюдно, дабы не посеять сомнения в душах верующих. Все в округе уже знают о его деяниях, и если по тихому убрать его из прихода, то верующие начнут роптать, станут говорить, что церковь покрывает отступников.

– Значит, если обнаружатся какие-то противозаконные штуки, то можно стукнуть в милицию? – осведомилась я. – А в прессу?

Лицо батюшки исказила болезненная гримаса. Взглянув на меня, он через силу произнес:

– Бог с ними, сообщайте. Делайте все, но без убийств и насилия. Он и его приспешники должны понести заслуженное наказание. Может, хоть в тюрьме они вспомнят о Боге.

Из-за угла здания послышался шорох, грохот, выкатилось пустое ржавое ведро, а затем оттуда вышел Иван с неизменно довольной улыбкой, одетый в серую блузу и красную клетчатую рубашку с коротким рукавом. В руках он держал маленького пушистого котенка. Я смотрела и ждала, что ненормальный предпримет, однако он только гладил мяукающего котенка да глазел на меня расширенными, удивленными глазами.

– Что тебе, Ваня? – нарушил молчание отец Василий. – У нас с Евгенией важный разговор.

– Ничего, я так, это, стою просто, хотел Жене котенка показать, – промямлил Иван, переминаясь с ноги на ногу. – Я его назвал Георгием Победоносцем.

Я не выдержала и прыснула со смеху, а отец Василий прямо так и зашипел:

– Ваня, ты что, нельзя так. Это большой грех. Нельзя нарекать тварей человеческими именами, тем более именем святого. Назови его как-нибудь иначе. Иди и подумай как.

– А можно я с вами постою? – плаксиво попросил Иван. – Я не буду мешать, только послушаю, как вы разговариваете.

– Иди, иди, Ваня, – замахал на него руками батюшка. –

Алевтина просила накопать на огороде картошки, чтобы сварить к обеду. Ты накопал?

– Нет, – буркнул виновато парень, – дядя Саша пошел копать.

– Так иди помоги ему, – с нажимом сказал отец Василий, развернул Ивана и подтолкнул в спину. – Иди, картошку потом на кухню отнесете. – Выпроводив его со двора, священник повернулся ко мне и покачал головой, пояснив: – Вот дитя неразумное, иной раз с ним так измучишься. Ох.

– Вы сегодня еще куда-нибудь планируете идти? – спросила я, желая перевести разговор на другую тему. Мне не хотелось говорить об Иване, слишком он был навязчив, постоянно лез в наши разговоры.

– Да я хотел несколько прихожанок поведать, – ответил отец Василий. – Они в летах, одинокие, и сегодня их не было на службе. Что-то могло случиться.

Я пообещала отвезти его и подумала, что заодно посмотрю на улицах бритоголовых – вдруг кто попадется?

Мы проехались по адресам, проверили прихожанок. С ними ничего страшного не случилось. Немного приболели, только и всего. Одной отец Василий помог наладить свет в доме – перегорел предохранитель, и старуха сидела без света. Другой священник принес из колонки пару ведер воды. После мы возвратились в церковь. Отец Василий занялся своими делами, я же разместила в его рабочем кабинете и включила принесенный из машины ноутбук. Он был

оснащен встроенным модемом с функцией ADSL – мобильного телефона для выхода в Интернет. Подключившись, я прошлась по базам данных МВД, разыскивая знакомые лица бритоголовых. Больше всего меня интересовал предводитель отмороzków, а также адреса и телефоны его товарищей, не ездить же по всему Карасеву, разыскивая их. Вдруг они вообще неместные.

Наконец мне улыбнулась удача. Главарь отмороzków смотрел на меня с фотографии на экране компьютера – звали его Криволапов Лавр Сергеевич. По полученным сведениям, Лавр просидел два года за хранение и распространение наркотиков, неоднократно привлекался за хулиганство и вандализм. Его подельников я не нашла – следовательно, они были слишком зеленые, чтобы серьезно засветиться в милицеских протоколах, а избиение семьи таджиков было их главным подвигом.

Затем через Интернет я связалась со знакомым хакером по кличке Юзер. Несмотря на странное прозвище, хакер был солидным сорокалетним мужчиной, работал на оборонном заводе Тарасова инженером-программистом. Я все про него выяснила, прежде чем заводить дела, он же по простоте душевной до сих пор считал меня мужчиной. В чатах я подписывалась именем Охотник, и вся наша дружба с Юзером сводилась лишь к виртуальному общению. В обычной жизни мы никогда не встречались, в сети же зависали часенъко. Юзер охотно помогал мне, требуя в качестве вознаграж-

дения подробности о моих делах. Я рассказывала ему, что могла, а иногда давала неплохо подзаработать за счет престоупных элементов.

Узнав, что я затеяла какие-то дела со священником, Юзер отослал мне короткое сообщение: «Не завидую нашей епархии».

«Мне нужна не вся епархия, только отец Глеб, настоятель Свято-Петропавловского храма, – написала я в ответ, – выясни все, что можно, о его личности, при условии что в епархии есть компьютер, подключенный к сети».

«Есть, я проверял, – успокоил меня хакер, – на дворе двадцать первый век, а не Средневековье».

Мы попрощались. Затем я вновь сосредоточилась на деле Лавра, перенесла в записную книжку его домашний адрес, телефон и кое-какие другие сведения. Не успела я закончить, как явился отец Василий. Молитвы и песнопения здорово подняли ему настроение в последние часы. Словно светясь изнутри, он радостно пригласил меня пройти в трапезную, откусать что бог послал. Я выключила компьютер и пошла за священником. В трапезной собралось довольно много народу, в основном будущие члены центра реабилитации, выполнявшие в данный момент какую-то работу при храме. Три женщины из церковного хора, младшей из которых не было еще и семнадцати, повариха – худая чернявая женщина по имени Алевтина. Невысокий, крепкий, с лысиной на макушке псаломщик Игорь – бывший афганец, Алек-

сандр и Иван. Последние сидели рядом в конце стола, причем Иван, как всегда, придуривался – пробовал держать носом большую деревянную ложку.

Во главе стола сидел отец настоятель, слева от него диакон Дмитрий, а справа на свободные места сели мы с отцом Василием. Алевтина принесла нам по тарелке щей, и, помолившись, все приступили к трапезе. Ощущение было такое, будто за столом собралась большая дружная семья, и мне не верилось, что кто-то из собравшихся мог стащить из церкви икону, а после сидеть как ни в чем не бывало за общим столом. Я посмотрела на Ивана, глупо подмигивающего мне, – если только он из озорства спрятал ее где-то или испортил случайно, а потом выкинул, страшись гнева настоятеля? Ненормальный же – с него станется.

– Много народа, верно? – шепнул мне отец Василий, когда Александр с Иваном стали убирать со стола пустые тарелки, а Алевтина принесла на стол второе – картошку с солеными песочниками, жареным луком и маринованными огурцами-помидорами.

– Да, я не ожидала, – призналась я тихо, так, чтоб не слышали соседи по столу. – Икону найти будет очень непросто.

– С Божьей помощью отыщем, – заверил меня отец Василий. – Я сейчас не про это. Скоро осень, и в храм потянутся еще люди. Разместить же их нам негде, вот почему так важен центр реабилитации, что я задумал. Но пока нам даже место не хотят выделить.

– Ясно, – пробормотала я, глядя в тарелку.

Настоятель предложил перед вторым помолиться о воре, укравшем икону, чтоб он раскаялся, вернул украденное и получил прощение за свой проступок. Хитрый ход, отметила я про себя. Если вор среди собравшихся, то слушать из раза в раз такие молитвы для него просто пытка. Рано или поздно нервы у человека не выдержат – это точно. Либо он подавится куском и околеет, либо, расплакавшись, сознается. Был еще третий вариант: что вор – прожженный мерзавец, купивший в аду место, и все молитвы для него как уроки китайского по испорченному радио – непонятно, неприятно режет ухо и выключить нельзя, но несмертельно. В этом случае потуги святых отцов тщетны. Единственный выход – с помощью логических построений и психологии вычислить пригретую на груди змею.

После обеда я пообщалась с хористками, но не выяснила ничего полезного. Они были на редкость глупы и мыслили практически как единое существо – эдакие сиамские близнецы-тройняшки. Все разговоры через пару слов скатывались к псалмам, молитвам и богослужениям. Притворяться так невозможно. Что ж, каждому свое, решила я и, извинившись, отошла от женщин и прицепилась к псаломщику. Игорь стеклил окно в пристройке. На мои вопросы отвечал скупое – «да», «нет» и «может быть», но вообще он не производил впечатления человека, способного украсть икону, и в то время его вообще не было в городе. Игорь ездил на по-

хороны сестры в Екатеринбург.

Незаметно на церковном подворье наступил вечер. Я подумала, что пора готовиться для визита к Лавру. Набрала на сотовом его домашний номер телефона и услышала в трубке хриплый, прокуренный голос не совсем трезвой женщины.

– Мне бы Лаврика. – Я немного повысила голос, чтоб казаться сопливой девчонкой.

– Какого тебе Лаврика? – прохрипела в трубку женщина.

– А у вас там их целый выводок, что ли? – с издевкой спросила я.

– Ты ща договоришься, засранка, – пообещала женщина угрожающе. – Звонят всякие шалавы.

– Расслабься, мамаша, я у Лавра вчера в долг сто колов взяла, сегодня разжилась бабками и хочу вернуть.

– Бабки, сотня, – повторила женщина заворуженно. – Неси их сюда. Как этот дебил появится, я ему передам.

– Его что, нет дома? – переспросила я.

– Нет. Уже несколько дней. Свалил куда-то, хрен его знает, – равнодушно пробормотала женщина. – Ну, что насчет бабок?

Я молча сбросила звонок и задумалась. Где вечером может находиться бритоголовый парень, движимый только тремя желаниями – выпить, покурить и потрахаться. Конечно, в кабаке. Лавр не состоял ни в какой молодежной организа-

ции или шайке, имеющей штаб-квартиру. Найти его будет непросто.

Из сумки, которую специально захватила из дома, я достала одежду и гримировальные принадлежности. Лавр меня видел, поэтому внешность придется менять в обязательном порядке. Закрыв дверь, я переоделась. Натянула синие обтягивающие джинсы, надела черный топ с надписью «Быстрый и мертвый» и подпоясалась специальным ремнем, в декоративные пряжки которого были вставлены метательные лезвия. В пупок вставила имитацию пирсинга. Рядом на живот нанесла с бумаги переводную татуировку в виде индейского орнамента. Пусть меня потом ищут по этой примете. Напялила короткий красный кожаный пиджак со множеством ремешков, пряжек, заклепок и молний. В тон ему была и небольшая круглая сумочка, внутри ремешка которой был продет тонкий стальной тросик. В сумочку я положила электрошок, газовый баллончик, прибор ночного видения и препараты для ведения интенсивного допроса. На косметику места совсем не осталось, и я решила косметичку нести в руках, потом оставить ее в машине.

Покончив с одеждой, я занялась своим лицом. Главной задачей было остаться симпатичной, но в то же время изменить внешность. Много проще себя изуродовать. Только как я тогда склею и выведу из какого-нибудь шалмана Лавра? Нет, придется попотеть над новым образом. Не спеша, используя силиконовые наклейки, я удлинила и выпрями-

ла свой небольшой чуть курносый нос, покрыла лицо слоем грима и припудрилась. Положила накладку на круглый подбородок, осветлила немного загорелую кожу. Контактными линзами преобразила глаза из голубых в зеленые, ярко подвела веки, наложила тени, густо накрасила ресницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.